

*250-летие Московского государственного
университета имени М.В. Ломоносова*

А.В. Иванов, В.В. Миронов

**УНИВЕРСИТЕТСКИЕ
ЛЕКЦИИ
ПО МЕТАФИЗИКЕ**

**Москва
2004
«Современные тетради»**

**ЮБИЛЕЙНОЕ СЛОВО
К 250-ЛЕТИЮ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. М.В. ЛОМОНОСОВА**

**О МЕТАФИЗИЧЕСКОМ СТАТУСЕ
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Название нашего предисловия может показаться претенциозным. В самом деле, разве не очевидным является образовательный и научный статус МГУ как флагмана отечественного высшего образования и центральной кузницы научных кадров высшей квалификации, не говоря уже о его общекультурном значении? Зачем нужны какие-то дополнительные философские спекуляции? При чем здесь вообще метафизика? Все и так предельно понятно: без Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова невозможно помыслить существование не только русской и европейской, но и мировой цивилизации. Он — храм науки, колыбель ее высочайших достижений; он — гордость нации, сумевшей за три столетия превратиться из робкой ученицы, благоговевшей перед заморскими учителями, в законодательницу научной моды! Все вроде бы так, однако феномен Московского университета заслуживает того, чтобы в него пристально взгляделось философское око, жаждущее проникнуть в глубинное измерение бытия центрального вуза России.

Начнем хотя бы со следующего вопроса: а почему, собственно, подавляющему большинству людей так импонирует Главное здание МГУ на Воробьевых горах? В чем секрет такого обаяния и какого-то всеобщего согласия представителей самых разных культурных традиций трактовать его в качестве безусловного символа творческого научного духа? Другой весьма интересный вопрос: а почему Главное здание, будучи вроде бы столь тяжеловесным и стоящим вдалеке от центра Москвы,

так гармонично вписалось в столичный культурный ландшафт, превратившись в один из неотъемлемых и наиболее значимых его элементов? Чем объяснить, что гуманитарии и политики, даже отмеченные явной склонностью к эпатажу и постмодернистской рисовке, каким-то удивительным образом смиряют свою гордыню и проникаются в стенах Московского университета вполне рациональным духом и академическим смирением? Почему вся научно-педагогическая общественность России так ждет слова преподавателей Московского университета, так верит ему, сверяя с ним пульс своей собственной университетской, факультетской и кафедральной жизни? Видимо, дело здесь не в одной только научной квалификации и не в статусной принадлежности к коллективу МГУ. Почему, наконец, существуют несомненные параллели между университетской и церковной кафедрами, между пастырским и профессорским служением, между значением Троице-Сергиевой лавры и значением Московского университета в культуре России?

Объясняется это тем, что в университетском бытии присутствует невидимое, а точнее — неявное, потаенное, но от этого и гораздо более значимое, собственно **метафизическое его измерение**, которое менее заметно, пока ты находишься в стенах университета, но становится сразу отчетливо видимым, когда человек оказывается вне университетских стен. Это чувство могут, наверное, подтвердить все, кто хоть когда-нибудь имел отношение к университету. Это измерение, говоря языком М. Хайдеггера и П.А. Флоренского, **несокрыто**, но его надо суметь уловить с нужного ракурса и обязательно любящим сердцем, ибо только любящему сердцу открывается духовный свет, исходящий из университета, и его подлинный несущий каркас — как бы эйдос университетского бытия, обеспечивающий его историческую устойчивость. Именно они образуют прочные субстанциальные основания многообразного университетского существования и одновременно определяют особое положение МГУ в культурном пространстве России.

Существуют по крайней мере два фундаментальных критерия по-настоящему прочного и здорового бытия, способного, с одной стороны, сохранять свое единство, а с другой — развиваться и совершенствоваться. Это — наличие у него **онтологического центра и иерархической организации**.

Центр и равномерное круговое движение всегда противостояли в культуре децентрированной конвульсии, ломаной линии и бесхребетной текучести существования. Недаром древние китайцы, индийцы и греки так почитали круг (сферу) и равномерное круговое (спиральное) движение вокруг неподвижного центра. Без этого, по их совершенно справедливому мнению, невозможен был ни космический, ни социальный, ни экзистенциальный порядок. В самом деле, онтологический центр есть во Вселенной, а также в любой ее галактике и планетной системе; он присутствует в атомах и минералах; в любом устойчивом естественном и культурном ландшафте; в каждом живом организме и биогеоценозе. В каждом творческом коллективе есть лидер; в городе — центральная площадь; в стране — ее столица. Наличие «осевого» текста типа индийской «Бхагавадгиты», китайской «И-цзин», еврейской Торы или русского «Слова о законе и благодати» митрополита Илариона придает культурно-национальной общности историческую устойчивость и ценностную монолитность. Онтологический центр наличествует в любом храме в виде его алтарной части, а также в любой художественной картине (точка пересечения двух диагоналей)¹. Центр во всех культурных традициях испокон веков ассоциировался с жизнедательным началом, с порядком и гармонией. Его символом часто служило сердце, поскольку именно последнее воплощает онтологическое единство и устойчивость краеугольного вида бытия, определяющего существование всех остальных бытийственных форм на Земле — разумного бытия человека. Мудрец с умудренным и сострадательным сердцем «подобен неподвижному центру бушующего урагана» — гласит дзэнская восточная мудрость. «Любящее сердце святого питает все живые существа» — вторит ей христианская мудрость.

И наоборот: личность «без нравственного центра» — это или надломленный человек, без конца готовый менять личины и склонный к предательству, или человек жестокий и бессердечный, готовый принести на алтарь своей гордыни жизнь и

¹ Более подробно о роли онтологического центра в искусстве народов Евразии см. в кн.: Иванов А.В., Фотиева И.В., Шишин М.Ю. Духовно-экологическая цивилизация: устои и перспективы. Барнаул, 2000.

достоинство других людей. «Художественную» картину без онтологического средоточия, типа абстракционистской, можно повернуть в любую сторону безо всякой потери смыслового содержания. Разружьте в стране ее музеи и библиотеки, смешайте культурный центр с культурной периферией, уравняйте храмы с «театрами эстрады», оскверните похабными интерпретациями ее ключевые литературные и философские тексты сказок Пушкина, романов Достоевского, стихов Есенина или трактатов В.С. Соловьева— и увидите, как на удивление быстро начнет рассыпаться и маргинализироваться народное бытие, как начнут нарастать хаотические процессы в социальной сфере, а на поверхность политической жизни обязательно пробьются патологические социально-психологические типажи.

Словом, наличие онтологического центра есть символ целостности и жизнеспособности, а децентрированность — знак распада и смерти любой системы независимо от уровня ее организации.

Наличие же иерархического начала, т. е. присутствие противоположностей высшего и низшего, совершенного и менее несовершенного, упорядоченного и хаотичного в бытии системы, есть показатель ее эволюционного статуса и возможностей грядущего совершенствования. Иерархически организованы многие «неживые» и все живые системы; иерархична любая хорошая система управления и любой социальный организм, подразумевающий гармоничное распределение социальных ролей и функций. Не низшее определяет высшее, а наоборот: высшее направляет и организует низшее, а целевая детерминация (или детерминация будущим) есть важнейший тип детерминации, особенно в обществе. Уничтожьте цели и разружьте идеалы в человеческом бытии, и оно лишится самой существенной структурообразующей своей черты, ибо человек тем и выделяется по своему онтологическому положению в Космосе, что в отличие от всех других существ способен не адаптироваться к миру, а сознательно преобразовывать в соответствии со своими целями и интересами как собственные основания поведения, так и внешние условия существования.

Способность сознательно строить свою личную жизнь в соответствии со свободно избранным высоким идеалом и перестраивать материальное бытие согласно идеальным требованиям будущего — это два очень важных признака восходящего человеческого бытия, противостоящего бытию статичному и конформному, лишенному иерархического начала. Здесь нет никакой апологии утопизма. Напротив: худшая из всех возможных утопий— обожествление настоящего положения дел и довольство своей человеческой ограниченностью. Если в человеческом бытии нет сияющих вершин, то их место обязательно займет зияющая пропасть; если человек и исторический народ, как говорил В.С. Соловьев, не стремятся к высшему, то они «неизбежно тяготеют и ниспадают на уровень животности»¹.

Иными словами, если в человеческом существовании нет идеального «вертикального» измерения, то нет и никакого его эволюционного материального преобразования, а есть неизбежная стагнация и деградация. Стало быть, если наличие онтологического центра обеспечивает порядок и устойчивость како-

¹ См.: Соловьев В.С. Сочинения. В 2 т. Т. 2. М., 1989. С. 604.

го-либо бытия, то наличие иерархической организации с явно выраженной вертикалью определяет его эволюционный потенциал. Подобное существование и может быть названо **бытием подлинным**, имеющим прочные субстанциальные основания.

И вот если мы после такого вступления вернемся к университету, то окажется, что его центром, начиная с момента построения, является Главное здание. Не берясь здесь обидеть «старое» здание на Моховой, признавая его историчность и близость к центру Москвы, все же признаем, что оно для нас выступает прежде всего памятником. Этот памятник выполняет важную функцию преемственности, но **в нем утеряна устремленность в будущее.**

Иное дело — Главное здание МГУ на Воробьевых горах. Оно по своей архитектуре устремлено в будущее, как бы отражая в этом облике период бурного развития науки в нашей стране, которое в буквальном смысле вывело нас в Космос. Одновременно, когда Вы смотрите из Главного здания на раскинувшуюся перед ним Москву, то ощущаете себя стоящим на капитанском мостике громадного корабля, который плывет над Москвой и Россией, как известно, и в буквальном смысле¹.

Но это только первое впечатление любого человека, взглянувшего на университет со стороны. Если же посмотреть на архитектуру Главного здания более глубоко, то и его внутренняя архитектура очень символична и отражает, во-первых, абсолютно точно основную идею университетской жизни и университетского образования и, во-вторых, наглядно, т. е. в своем архитектурном образе, воплощает универсальные принципы устойчивого и восходящего существования как такового.

В самом деле, в структуре Главного здания совершенно отчетливо выражена оппозиция периферии и центра, но не противостоящих, а гармонично уравновешивающих друг друга, где глаз совершенно естественно движется от периферийных зон к центральному корпусу, в котором как раз и сосредоточены университетские органы управления и ряд его головных факультетов. То есть архитектурный центр является одновременно и онтологическим центром, т. е. центром Бытия Университета, из которого осуществляется управление, в котором разрабатываются стратегические проекты. Не случайно внимательный студент или сотрудник МГУ, входя в центральную часть Главного здания, а тем более поднимаясь на его 9-й и 10-й этажи, ощущает незримое влияние и притяжение этого пространственного «ядра» университета. Обратите внимание: эта диалектика центра и периферии ясно выражает ступени административного академического роста, если хотите, внутриуниверситетской карьеры, которая реализуется в статусе ректора МГУ. Иногда журналисты, попадающие в святая святых — Зал заседаний Ученого совета, — теряются и не могут сделать здесь хороший снимок. При этом часто говорят: что бы здесь ни снимать, все равно получается сталинский ампир. Но мы бы поправили их. Это не сталинский ампир, это выражение статуса Московского университета, который когда-то был задан его основателями, т. е. статуса имперского университета.

¹ Ибо покоится на жидком основании.

Однако в Главном здании Московского университета не менее явственно подчеркнута и иерархическое, устремляющееся вверх начало бытия, ведь все его горизонталы и все вертикальные линии венчаются высоким золотым шпилем, как бы объединяющим в целое и наделяющим смыслом все составляющие здание архитектурные элементы. В этой вертикальной устремленности все символично. Дабы достичь вершины, необходимо подниматься вверх постепенно, ступень за ступенью, ярус за ярусом, и чем выше — тем уже горизонталь и резче вертикаль и тем меньше тех, кто сумел туда взойти. Но разве в этом не выражена самая суть университетской жизни в единстве возможностей педагогического роста (ассистент — доцент — профессор) и научного восхождения, где человек может последовательно пройти ступени студента — аспиранта — кандидата — доктора наук и где, наконец, высшим признанием его научных заслуг может стать звание академика?¹ Разве эта вертикаль и свет², который она несет, не задают твердый алгоритм личного профессионального совершенствования ученых и не выступают мощнейшим фактором общей эволюции научного знания? И разве не подразумевает эта истинная иерархичность бытия истинной свободы, неотделимой от служения высшему и обуздания своих низменных импульсов и страстей?

Если же теперь попытаться выявить общую архитектуру — как бы эйдос — Главного здания МГУ, то нетрудно увидеть, что это **четырёхгранная пирамида** — одна из самых совершенных и устойчивых фигур, идеально синтезирующая принцип онтологической центрации с вертикальной устремленностью. В этом тоже есть глубокий метафизический смысл. Университетское знание и образование отсылают к принципу универсальности, но ведь именно четырёхгранная пирамида идеально выражает идею единства в многообразии, когда каждая из четырех граней незаменима и неповторима в рамках целого, но опирается на общее со всеми основание, а чем выше по ней поднимаешься, тем отчетливее проступает ее связь и близость с тремя другими гранями вплоть до их полного совпадения в верхней точке пирамиды.

И здесь вполне можно уподобить каждую из граней одной из четырех фундаментальных групп наук, образующих классическую систему университетского образования.

Имеются в виду науки логико-математического цикла (математика, логика, информатика), предметом которых являются всеобщие структурные закономерности бытия.

Естественные науки, изучающие закономерности природного целого (или законы телесной организации мира): физика, химия, биология, география, геология, почвоведение, медицина.

Науки обществоведческого цикла, изучающие объективные законы разных сфер общественной жизни (или законы сверхтелесной организации мира), — право, экономика, социология, филология.

¹ Обратите внимание, что, по-видимому, совсем не случайно часто годовые общие собрания действительных членов Российской академии наук проводятся именно в Актовом зале МГУ.

² Кстати, золотой цвет университетского шпиля и венчающих его колосьев — эта прямая и точная символика горного цвета.

Гуманитарные науки в собственном смысле слова, изучающие продукты сознательного творчества человека, — науковедение, искусствоведение, литературоведение, с известными оговорками — культурология и религиоведение.

Есть также две науки, которые находятся как бы в основании университетской пирамиды, — это история и психология. Первая присутствует в составе любой науки, ибо каждая из них имеет историческое измерение, а вторая изучает главную составляющую любой научной деятельности — самого человека.

Но есть и совершенно особый тип знания, особая «наука», вершающая все здание университетского образования, — это философия. Она воплощает идеал цельного, доказательного и систематического знания, не абстрактного и холдного, оторванного от человека, а, напротив, знания глубоко конкретного и жизненного — живознания, по выражению ряда русских философов, способного лечь в основание свободного и ответственного поведения человека в мире.

Таким образом, есть весьма веские основания утверждать, что, во-первых, существование Московского университета вполне отвечает универсальным критериям бытия прочного и восходящего; и, во-вторых, притягательность Главного здания МГУ во многом объясняется тем, что оно исключительно точно и емко эту метафизику университетского бытия выражает. Однако существуют и другие важные метафизические функции, которые выполняет Московский университет и без которых невозможно представить себе российское бытие в целом.

Москва имеет отчетливо выраженный онтологический центр — тот исток, из которого она начала расти, вокруг которого разворачивались основные события ее истории и который до сих пор символизирует единство и величие России. Это — Московский Кремль. Однако у столицы есть и ряд других **онтологически сопряженных с Кремлем, но все-таки самостоятельных ландшафтно-метафизических центров**, придающих ей неповторимое своеобразие и глубинную гармонию. И опять-таки **первым** из таких центров является Главное здание Московского университета.

Собственно, и старый комплекс зданий МГУ на Моховой имел достаточно определенный смысл своего расположения — прямо напротив Кремля, словно знаменуя появление светского духовного начала московской (да и общероссийской) жизни и выступая в роли органического противовеса началу церковно-политическому, воплощенному в кремлевских храмах, дворцах и башнях. **Однако лишь после строительства Главного здания МГУ на Воробьевых горах метафизическое предназначение Московского университета в рамках московского культурного ландшафта обрело законченную и адекватную архитектурную форму.**

Прежде всего отмечу, что место строительства Главного корпуса МГУ на Воробьевых горах было выбрано исключительно удачно. Это — одна из господствующих московских высот, с которой по значению может сравниться разве что знаменитый холм над Москвой-рекой в Коломенском. Но последний был давно замечен и блестяще архитектурно оформлен нашими предками посредством строительства царской усадьбы и особенно знаменитой церкви Вознесения — символа духовной чистоты и вертикальной устремленности человека в «высшие небеса». Воробьевы горы также всегда почитались жителями Москвы как особо благодат-

ное и значимое место (здесь достаточно вспомнить знаменитую юношескую клятву Герцена и Огарева на Воробьевых горах, давнишнее строительство на высоком правом берегу Москвы-реки монастырей и храмов), но в отличие от Коломенского холма это пространство в течение сотен лет все же не смогло получить архитектурно-культурного оформления и метафизического осмысления, достойного этого удивительного природного места, т. е. как раз того, что и превращает чисто природный ландшафт, пусть потенциально и исключительно значимый для человека, в ландшафт собственно культурный.

Перенос основных факультетов университета на Воробьевы горы и особенно строительство его Главного здания явились важнейшим фактором оформления культурного ландшафта не только южной части Москвы, но и всей столицы в целом. Отныне Москва получила свой второй — давно ожидаемый — онтологический центр, гармонично уравнивающий и восполняющий Кремль. Главное здание МГУ хорошо видно с разных точек московского пространства; оно выделяется уместностью своего расположения и мягкой гармонией линий по сравнению со всеми другими высотными зданиями Москвы. Возвышаясь в отдалении от исторического центра, оно не подавляет других городских ансамблей, а скорее органично вершает Москву наподобие царской короны, особенно красивой в лучах заходящего солнца. И если Кремль с золотыми куполами и красными башнями по своему срединному положению, цветовой символике, политическому и метафизическому статусу закономерно называют сердцем столицы, то университет, напоминающий раскинувшего белые крылья могучего орла, хочется уподобить средоточию ее разумных творческих сил и энергий. И если Кремль идеально воплощает материнскую — рождающую и хранящую — ипостась нашей столицы (да и всей России в целом, ведь слова «Москва» и «Россия» — это слова женского рода!), то МГУ символизирует ее мужской лик — интеллектуальный, целеустремленный и волевой.

Московский университет по своему метафизическому — незримому для телесного ока и непостижимому для мертвящего рассудка — статусу является в московском культурном ландшафте пространственным средоточием и символом научного разума, центром притяжения для людей (особенно молодых), стремящихся к бескорыстному исканию истины и обретению твердых научных знаний.

Дабы почувствовать свои исторические корни и обрести нравственный заряд бодрости, москвичи (да и все русские люди) приходят на Красную площадь к стенам Московского Кремля. Лучшее же место в Москве для обретения творческого вдохновения и просветления души — берега Москвы-реки в Коломенском с храмами Вознесения и Усекновения главы Иоанна Предтечи. Но самым благодатным местом для рационально-отстраненного взгляда на мир всегда были, есть и будут Воробьевы горы с островерхим зданием Московского университета над ними.

В этом плане совсем не случайно, что такой огромной популярностью пользуется смотровая площадка на Воробьевых горах. Там всегда полно людей. С нее, как с огромной колокольни, видны все московские пределы. Если вид университета снизу, т. е. взгляд на него из толчеи московских улиц, напоминает человеку о

возможности научных взлетов и величии ищущего разума, то созерцание Москвы с высоты Воробьевых гор, напротив, дает возможность разумному духу как бы парить над потоком повседневной жизни, преодолевая замкнутое городское пространство и обозревая целиком свои владения. Именно отсюда возможен высший разумный и критический взгляд на низлежащие земные пределы и на свое место в этом бушующем мире. Здесь — под благодатной метафизической сенью Московского университета — можно объективно взвесить различные ценности и сделать правильный жизненный выбор.

Словом, Московский университет является безусловно значимым элементом московского культурного ландшафта со вполне определенным метафизическим содержанием и функциями. **Уберите из Москвы этот ее важнейший онтологический центр, надломите эту наглядно-разумную вертикаль ее бытия (конечно, не в буквальном, а в переносном смысле слова!) — и, уверяем Вас, на глазах треснет и надломится все московское культурное бытие. Оно попросту немыслимо без МГУ во всех его ипостасях.** Однако у Московского университета есть и другие, пожалуй, еще более важные «внешние» метафизические функции, которые он выполняет на обширных пространствах России.

Московский университет лучше всего обнаруживает свое **ноуменальное** измерение не только с некоторой пространственной и временной дистанции, но и — сколь бы парадоксальным это ни показалось — в ситуации исторического безвременья, когда в феноменальном калейдоскопе исторических событий и борьбе суетных честолюбий забываются твердые метафизические основы социального бытия, т. е. формы его онтологической центрации и его путеводные духовные вехи. Тогда-то символом эпохи и становится не светоносная пирамида, а **темное корневище** — постмодернистская ризома, питающая душу «подпольного человека», а также разнообразные сети, вроде бы децентрированные и лишенные «тоталитарного иерархического начала», но на самом деле всегда воплощающие принцип «перевернутой пирамиды» и псевдоиерархии, ибо все ниточки в сети всегда сойдутся к сидящему в засаде пауку или к «рыбаку» — ловцу человеческих душ.

Именно в ситуации исторического безвременья и беспамятства становится вполне очевидной важнейшая метафизическая функция Московского университета — быть онтологической осью и мощной геополитической скрепой постсоветского пространства. Поверх политических границ СНГ, поверх всех национальных и идеологических различий существуют прочнейшие профессионально-корпоративные связи между выпускниками университета, причем это чувство социально-корпоративной принадлежности бывает подчас сильнее и значительнее в ценностной шкале личности, нежели ее успехи на политическом или административном поприще.

Огромное количество выпускников МГУ входит в руководящие органы всех стран ближнего, да и дальнего зарубежья! Сколькие из них тепло вспоминают свои университетские годы! И, значит, не столько через экономику и внешнеполитические связи надо реинтегрировать постсоветское пространство, сколько через поставленную на государственные рельсы актуализацию академических — личных и научных — связей под эгидой Московского университета. Связи на основе низшего и материального — всегда неустойчивы и ненадежны, всегда подверже-

ны исторической конъюнктуры; но связи на основе высшего и духовного — это самые прочные, почти сверхвременные, бытийственные связи. Укрепите культурное, научное и педагогическое взаимодействие между различными народами — и увидите, как самым чудесным образом они будут инициировать глубинную экономическую, политическую и геополитическую интеграцию. Но вот обратное — неверно!

Наглядным подтверждением справедливости этого тезиса служит сам факт того, что МГУ, так или иначе, через евразийское сообщество, через Союз ректоров или учебно-методическое объединение классических университетов, фактически объединяет общеуниверситетскую жизнь страны и стран СНГ, выступая их представителем в общемировом университетском сообществе. Жизнь каждой университетской кафедры и каждого факультета в любом университете Российской Федерации (да и в других вузах) здесь оказывается прочно связанной с жизнью соответствующих кафедр и факультетов МГУ, словно тысячи живительных профессиональных нитей протягиваются к единому — иерархически высшему — центру интеллектуальной жизни России.

Кстати, подлинная академическая интеграция попросту не может унижить чье-либо национальное или политическое достоинство, ибо в ее основе лежит добровольное объединение на основе общих университетских ценностей (о них мы еще поговорим ниже) и принципа естественной научно-педагогической иерархии. Как в академической среде существует совершенно естественное уважение к профессорскому званию, так и в межуниверситетской среде существует совершенно естественное признание ведущей роли Московского университета, органически вытекающей из его собственного метафизического статуса, о чем речь шла выше.

Но МГУ является не только геополитической, но и незримой **социальной скрепой** постсоветского пространства. **Если спросить, какой социально-корпоративный слой в России в своем подавляющем большинстве не изменил призванию, не поддавался соблазнам дележки собственности, не пошел на разрыв с традицией и сохранил свое профессиональное единство, несмотря на все политические разногласия, — то ответ будет достаточно очевидным: научно-педагогическая интеллигенция. Именно эту социально-профессиональную группу, и ныне достойно сопротивляющуюся бездумным педагогическим инновациям, можно с полным основанием назвать государствообразующим социальным слоем.**

Но что все эти годы являлось подлинным цементирующим онтологическим центром российской научно-педагогической корпорации? На кого она равнялась и равняется, противясь рыночно-«реформаторскому» зуду в сфере образования и отстаивая старый мудрый педагогический принцип, что «лучше быть со старой истиной, чем с новой глупостью»? Опять-таки ответ будет простым и однозначным: на коллектив Московского университета и позицию его ректора. И неизвестно, сколько университетских, факультетских и кафедральных коллективов сохранили свое профессиональное и человеческое единство в эти годы только благодаря тому, что корпоративную солидарность и твердость, отражающую его метафизическое предназначение, хранил коллектив Московского университета. Да и сейчас ректо-

ры университетов регулярно съезжаются в Москву не столько ради решения практических вопросов, сколько для сверки своих университетских пульсов с пульсом центрального вуза России.

Пока свет служения истине и своему народу (а эти вещи может противопоставлять лишь нравственно болезненное сознание) излучает шпиль Московского университета, пока прочно университетское научно-педагогическое бытие, — до той поры он исполняет свое метафизическое предназначение быть онтологическим центром и ведущим магнитом многонациональной и поликонфессиональной научно-педагогической общественности России.

Существует, однако, и третья— наиважнейшая— интегративная функция университета на постсоветском пространстве. Она фундирует две предыдущие функции и прочнее всего связана с собственной метафизикой университетского бытия. **МГУ представляет собой духовную скрепу постсоветского культурно-географического мира.** В самом университетском бытии, как мы помним, прочном и устремленном, воплощаются высшие духовные ценности, позволяющие мыслящему человеку обрести твердую идейную почву под ногами и достойные цели личного существования.

Университетский дух утверждает ценность бескорыстного искания истины, противостоящую зуду сребролюбия и стяжательства, верность своим учителям, нравственным и научным принципам вопреки атмосфере продажности и политического предательства. Дух университета — это дух научного универсализма, воли к обретению цельного и действенного мировоззрения в единстве веры, воли и разума, где особую роль играет философия. «Философия как целостное мирозерцание, — писал в этой связи профессор Московского университета П.Д. Юркевич, — есть дело не человека, а человечества, которое никогда не живет чисто логическим сознанием, но раскрывает свою духовную жизнь во всей полноте и целостности ее моментов»¹. **Этот синтетический мировоззренческий пафос университетского образования выражает самую суть высокой культуры и зримо противостоит эклектичности и мозаичности культуры массовой, которая по мере развития технических средств приобретает все более разрушительный для общества характер.**

Университетское бытие подразумевает также соборную работу сознаний, объединенных не только принадлежностью к единому коллективу, общими нравственными принципами и научными проблемами, но важнейшими духовными связями «учитель — ученик». Это отнюдь не исключает, а наоборот, подразумевает свободу и автономию творческих личностей. Именно развитая индивидуальность в рамках такой соборной общности в определенных исторических обстоятельствах получает право говорить от лица этой общности. В ней персонифицируется и через нее как бы сказывается всеобщая истина. Иногда эта истина способна сказываться даже вопреки расхожим мнениям самой этой соборной общности. Удивительно, но такую «соборную теорию сознания» развивал выдающийся русский философ, ректор Московского университета С.Н. Трубецкой. И он же, как никто другой, имел полное право заявить: «Тот,

¹ Юркевич П.Д. Философские произведения. М., 1990. С. 68.

кто познал истину, требует, чтобы ее признали все; он один лучше всех знает то, что все должны знать. И поэтому один побеждает и убеждает столь многих в том, чему сначала не хотел верить никто»¹.

Тут можно предвидеть постмодернистский всхлип: «Ах! Это же типичный пример репрессивного дискурса!». Но это для тех, скажем мы, кто не умеет служить высшему и признавать иерархическое начало, а потому сам всегда является марионеткой какого-то чужого (и чаще всего не самого лучшего) мнения и всегда сам не прочь навязать кому-то свое суетное суждение. **Университетское духовное бытие исключает всяческий постмодерн и вообще всякую интеллектуальную моду.** Оно фундаментально и светоносно, ибо противостоит мраку и хаосу во всех их соблазнительных разновидностях. Оно несовместимо с культом личного и частного, стремясь к интегральной и доказательной истине. Оно сподвигает человека к бесконечному научному восхождению и неустанному личному совершенствованию, ибо зовет не только знать, но и быть, не только говорить, но и поступать. Но метафизика университетского бытия столь же определяет путь личности и требует от нее вполне определенных нравственных качеств, сколь и сама определяется деяниями конкретных личностей. И как бы ни была сверхвременна и сверхпространственна укоренена светоносная метафизика Московского университета, этот свет хранится и прирастает лишь светом, что исходит из живых человеческих сердец.

Все выделенные выше метафизические ипостаси и функции бытия Московского университета позволяют, как мне кажется, сделать итоговый вывод.

Университет есть «столп и утверждение истины», говоря языком П.А. Флоренского; он — центральный светский духовный храм России, приближающийся по своему социокультурному и политическому значению к Троице-Сергиевой лавре. Он способен светить вовне, ибо его собственное бытие прочно и светоносно.

О значении лавры для России прекрасно написал отец Павел Флоренский (кстати, учившийся на физико-математическом факультете Московского университета и посещавший философские семинары С.Н. Трубецкого) в статье «Троице-Сергиева лавра и Россия»: «Тут не только эстетика, но и чувство истории, и ощущение народной души, и восприятие в целом русской государственности, и какая-то труднообъяснимая, но непреклонная мысль: здесь, в Лавре именно, хотя и непонятно как, слагается то, что в высшем смысле должно назвать общественным мнением, здесь рождаются приговоры истории, здесь осуществляется всенародный и, вместе, абсолютный суд над всеми сторонами русской жизни. Это — то всестороннее, жизненное единство Лавры, как микрокосма и микроистории, как своего рода конспекта бытия нашей Родины, дает Лавре характер ноуменальности. Здесь ощутительнее, чем где-либо, бьется пульс русской истории, здесь собрание наиболее нервных, чувствующих и двигательных, окончаний, здесь Россия ощущается как целое»². Это значение духовного религиозного центра России лавра, основанная Сергием Радонежским, хранит и по сию пору.

¹Трубецкой С.Н. Сочинения. М., 1994. С. 496.

²Павел Флоренский, священник. Сочинения. В 4 т. Т. 2. М., 1996. С. 353.

Но разве Московский университет не обладает своей уникальной эстетикой и не символизирует накануне своего двухсотпятидесятилетия вершины народной русской души и устоев ее государственности? Разве не творился устами крупнейших отечественных мыслителей, учившихся и работавших в его стенах, суд над всеми сторонами российской жизни? Здесь достаточно вспомнить имена В.С. Соловьева и И.А. Ильина, С.Н. Булгакова и Н.Н. Алексева, Н.С. Трубецкого и П.И. Новгородцева. Разве не является история МГУ кратким конспектом русской истории трех последних веков и не обладает он ноуменальным, метафизическим измерением, определяющим, как и лавра, целостность российского бытия? И разве не стал его внешний архитектурный облик, о чем уже говорилось выше, таким же неотъемлемым атрибутом России, как и купола обители преподобного Сергия?

Московский университет есть **святыня России**, одна из ее высших и абсолютных ценностей, причем ценностей живых и действенных, имеющих вполне конкретный лик и призывающих под свои знамена живых носителей данной культурной традиции. **Святыня — это последнее метафизическое определение Московского университета**, включающее все три атрибута последней: а) быть светоносным разумным началом, противостоящим всякому невежеству, хаосу и тьме; б) просветлять души, сподвигать их к свободному духовному росту и совершенствованию; в) быть святилищем, храмом, средоточием истинного — прочного и возвышенного — бытия, где можно причаститься к духу искания истины и к красоте подлинного научного творчества.

Эту святыню России призваны беречь и преумножать ныне живущие сотрудники и студенты Московского университета. И кому как не им помнить завет выдающегося русского философа и правоведа, профессора МГУ П.И. Новгородцева: «Русский народ не встанет с одра, если не пробудятся в нем силы религиозные и национальные. Не политические партии спасут Россию, ее воскресит воспрянувший к свету вечных святынь народный дух»¹.

¹ Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., 1991. С. 581.